

THE HEBREW UNIVERSITY
OF JERUSALEM

ЕВРЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В ИЕРУСАЛИМЕ

SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

JUDAICA PETROPOLITANA

Scholarly Journal
Научно-теоретический журнал

№ 8 (2017)

Jerusalem
5778

Санкт-Петербург
2017

Академия
Исследования Культуры

УДК 30.2+94(3)+811.411(05)
ISSN 2307-9053

The International Center for University
Teaching of Jewish Civilization
The Hebrew University of Jerusalem

Department of Jewish Culture
at Saint Petersburg State University

Международный центр университетского
преподавания еврейской цивилизации
Еврейский университет в Иерусалиме

Кафедра еврейской культуры
Санкт-Петербургского
государственного университета

Специальный выпуск: Формирование культуры в диаспоре

Special issue: Formation of Culture in Diaspora

Номер подготовлен к изданию и опубликован в рамках проекта:
This issue was prepared for publication and printed in the framework of the project:

Российский
научный
фонд

Российского научного фонда | Russian Science Foundation
(проект № 15-18-00062 «Формирование культуры в диаспоре
на примере еврейской, армянской и греческой диаспор»;
Санкт-Петербургский государственный университет)

При финансовой поддержке:
Thanks to the financial support of:

Фонда «Генезис»
Genesis Philanthropy Group

Российского Еврейского Конгресса
Russian Jewish Congress

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017
© Еврейский университет в Иерусалиме, 5778
© Коллектив авторов, 2017

Научное издание

JUDAICA PETROPOLITANA

№ 8 (2017)

Подписано в печать с готового оригинал-макета 21.12.2017.
Формат 60 × 90 1/16. Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 550 экз. Заказ № 718

Издательство «Академия Исследования Культуры»,
197343, Россия, Санкт-Петербург, ул. Чапыгина, д. 6, лит. А
Тел.: +7 (981) 699-6595;
E-mail: post@arculture.ru
<http://arculture.ru>

Отпечатано в типографии «Литография»
191119 Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8

- Редакционный совет** Г. Ахизер (Иерусалим/Ариель), Х. Бен-Шаммай (Иерусалим), С. Гольдин (Иерусалим), А. Дикман (Иерусалим), А. Б. Ковельман (Москва), Б. Къеза (Турин), Х. Ном де Деу (Мадрид), Дж. Р. Расселл (Кембридж, Масс.), А. Рофэ (Иерусалим), Д. Е. Розенсон (Москва/Иерусалим), С. Рuzер (Иерусалим), П. Фентон (Париж), Д. Фишман (Нью-Йорк), Г. Хан (Кембридж), С. Штампфер (Иерусалим).
- Редакционная коллегия** *Главные редакторы:* С. Асланов (Еврейский университет в Иерусалиме); И. Р. Тантлевский (Санкт-Петербургский государственный университет).
Редактор: И. Лурье (Еврейский университет в Иерусалиме).
Редактор-составитель выпуска: А. А. Синицын (Санкт-Петербургский государственный университет).
Исполнительные секретари: М. Беркович (Еврейский университет в Иерусалиме); Е. С. Норкина (Санкт-Петербургский государственный университет), В. В. Федченко (Санкт-Петербургский государственный университет), А. А. Синицын (Санкт-Петербургский государственный университет), И. С. Кауфман (Санкт-Петербургский государственный университет), Д. С. Курдыбайло (Санкт-Петербургский государственный университет), И. Н. Шпирко (Санкт-Петербургский государственный университет).
Технический секретарь: К. В. Рябова (Санкт-Петербургский государственный университет).
- Editorial Council** G. Akhiezer (Jerusalem/Ariel), H. Ben-Shammai (Jerusalem), B. Chiesa (Turin), A. Dykman (Jerusalem), P. Fenton (Paris), D. Fishman (New York), S. Goldin (Jerusalem), G. Khan (Cambridge), A. B. Kovelman (Moscow), J. Nom de Deu (Madrid), A. Rofe (Jerusalem), D. E. Rozenzon (Moscow/Jerusalem), J. R. Russell (Cambridge, MA), S. Ruzer (Jerusalem), S. Stampfer (Jerusalem).
- Editorial Board** *Editors-in-Chief:* C. Aslanov (The Hebrew University of Jerusalem), I. R. Tantlevskij (St. Petersburg State University).
Editor: I. Lurie (The Hebrew University of Jerusalem).
Compiling Editor of the Issue: A. A. Sinitsyn (St. Petersburg State University).
Executive secretaries: M. Berkovich (The Hebrew University of Jerusalem), E. S. Norkina (St. Petersburg State University), A. A. Sinitsyn (St. Petersburg State University), V. V. Fedchenko (St. Petersburg State University), I. S. Kaufman (St. Petersburg State University), D. S. Kurdybailo (St. Petersburg State University), I. N. Shpirko (St. Petersburg State University).
Technical Secretary: K. V. Ryabova (St. Petersburg State University).

Все публикуемые в журнале *Judaica Petropolitana* статьи проходят экспертную оценку
 All contributions submitted to *Judaica Petropolitana* are peer-reviewed

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Сеницын, И. Р. Тантлевский ЭТНОС—ЭТОС—ЛОГОС: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ ДИАСПОР, ТРАНСКУЛЬТУРАЦИИ, АККУЛЬТУРАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОМУ САМОСОЗНАНИЮ (Вместо предисловия)	6
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУР И ДИАСПОР: ЕВРЕИ, ГРЕКИ, АРМЯНЕ	
J. R. Russell (<i>Harvard University; California State University, USA; The Hebrew University of Jerusalem, Israel</i>) THE LYRE OF KING DAVID AND THE GREEKS	12
Т. Нотариус (<i>Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль; Университет Фри-Стейт, Блумфонтейн, ЮАР</i>) АРПАХШАД, СЫН ШЕМА, В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНО-СЕМИТСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ: ХАЛДЕИ, АРАМЕИ, АРАБЫ	34
А. А. Sinitsyn (<i>Saint Petersburg State University; The Russian Christian Academy for the Humanities, Russia</i>) “KNOW THYSELF” THROUGH THE DIALOGUE WITH THE OTHERS: FORMATION OF THE ANCIENT CULTURAL DICHOTOMY “HELLENES—BARBARIANS”	48
М. Л. Kisilier (<i>Saint Petersburg State University; Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, Russia</i>) FOLKLORE, LITERATURE AND IDENTITY, OR ONCE MORE ABOUT AZOV GREEKS	83
Ф. А. Елоева (<i>Saint Petersburg State University, Russia; University of Vilnius, Lithuania</i>) SOME REFLEXES OF A FISH CULT IN PONTIC TRADITION	98
А. О. Месропян (<i>Институт языка имени Р. Ачаряна НАН РА, Республика Армения</i>) АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АРМЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ДИАСПОРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН	108
З. Копельман (<i>Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль</i>) ЖАБОТИНСКИЙ: ОТ РОМАНТИКИ ЧТЕНИЯ К ПОСТУПКУ	117

A. Voone (<i>The Hague, Netherlands</i>)	
THE DEPORTATION OF GERMAN JEWS FROM THE NETHERLANDS TO GERMANY BY THE DUTCH GOVERNMENT IN THE PERIOD 1945–1950	142
И. С. Бренер (<i>Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН, Россия</i>),	
В. Н. Журавлев (<i>РО «Российское военно-историческое общество» в ЕАО, Россия</i>)	
АМБИДЖАН—БИРОБИДЖАН: ИСТОРИЯ ФОТОАЛЬБОМА, ПОСВЯЩЕННОГО 20-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЕВРЕЕВ В БИРОБИДЖАНСКИЙ РАЙОН ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ	152

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ МЫСЛИ

У. Гершович (<i>Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия</i>)	
К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ И ТИПОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	185
Yu. V. Shaposhnikova (<i>Saint Petersburg State University, Russia</i>)	
ISAAC BEN SOLOMON ISRAELI AND HIS ROLE IN THE FORMATION OF THE CORRESPONDENCE THEORY OF TRUTH	207

ЖАБОТИНСКИЙ: ОТ РОМАНТИКИ ЧТЕНИЯ К ПОСТУПКУ

З. Копельман

Зоя Копельман

Доктор филологии
Еврейский университет в Иерусалиме
Иерусалим, Израиль
E-mail: zoya.kopelman@gmail.com

Статья представляет в новом свете увлечение видного сионистского лидера Владимира (Зеэва) Жаботинского Италией и итальянской культурой. Некоторые ученые, например Арье Наор (вслед за М. Бегином) полагают, что интерес к национальной политике зародился у Жаботинского в годы пребывания в Италии (1898–1900), другие, как Михаэль Станиславский, не разделяют этой точки зрения. Данная статья предлагает иной подход, при котором обращение космополита Жаботинского к сионизму обусловлено внешним культурным фактором, а именно — итальянскими книгами исторической направленности. Анализ образа Гарибальди, каким он предстает из популярного жизнеописания, и выполненного Жаботинским переводом на иврит романа «Спартак» а также анализ места Италии в культурном сознании Жаботинского позволяют по-новому взглянуть на становление Жаботинского как политического лидера и как частного лица.

Ключевые слова: Жаботинский, Еврейский легион, национальное воспитание, Бейтар, Италия, Джованьоли, Гарибальди

JABOTINSKY: FROM ROMANTIC READING TO A DEED

Z. Kopelman

Zoya Kopelman

Doctor of Philology
Hebrew University of Jerusalem
Jerusalem, Israel

E-mail: zoya.kopelman@gmail.com

The article investigates Jabotinsky and Italy. The simplicity of the question belies its complexity and importance in the scholarly literature. Some scholars, such as Arye Naor, following Menachem Begin, see the birth of Jabotinsky's nationalist politics in the years that the young Jabotinsky spent in Italy (1898–1900); others, Michael Stanislawski give little credence to such a view. The article disputes both positions and forms a new view that the bridge between cosmopolitanism and Zionism is a culture and the content of that cultural move is Italy. In analyzing the biography of Garibaldi, Jabotinsky's Hebrew translation of *Spartakus*, and the role of Italian culture generally, the paper opens a new door in the study of Jabotinsky's formation as an intellectual, political leader, and private individual.

Keywords: Vladimir (Ze'ev) Jabotinsky, Jewish Legion, National education, Betar, Italy, Giovagnoli, Garibaldi

По воспитанию и личному пристрастию Жаботинский всю жизнь оставался активным читателем, доказательством чему служат его высказывания о писателях и литературных героях, цитаты из стихов и прозы. На беллетристику он возлагал важнейшую роль в формировании индивидуума и нации в целом. Когда в крупнейшем еврейском издательстве Авраама Йосефа Штыбеля вышел в 1919 г. перевод на иврит книги Генрика Сенкевича «Огнем и мечом», Жаботинский, живший в то время в Иерусалиме, сразу откликнулся на это событие и заявил, что права редакция, предложившая читателю роман об «истории Польши семнадцатого века, ее войнах и застольях, героях и пьяницах». Жаботинский верил, что литература делится на две основные категории: литературу действия и литературу созерцания, и нации в период ее становления нужны книги первой категории. В заметке «Сенкевич», обращенной к евреям Страны Израиля, он писал:

Коль скоро мы теперь формируемся как народ, нам, безусловно, необходима литература, побуждающая к действию. Нам требуется покровительство основателей и создателей, готовое к любым приключениям и неожиданностям, умеющее найти дорогу в самой густой и непроходимой

чаще. Нам нужна молодежь, умеющая скакать верхом, плавать, лазить по деревьям, знающая, как применить кулаки и управляться с ружьем, люди со здоровым воображением и сильной волей, жаждущие проявить себя в той борьбе, которая и есть жизнь. <...> Наш истинный внутренний мир еще не создан, нам пока еще нечего созерцать; нас ожидает внешний мир, в нем мы будем действовать, в нем будем строить. <...>

Наша ивритская литература (я имею в виду беллетристику) не годится для этой национальной роли. В ней, как правило, нет никакого действия, никакого движения, никаких происшествий, никакой динамики <...> Если от национальной болезни нет национального лекарства, возьмем его из запасов наших соседей¹.

В заметке, написанной по случаю приезда в Палестину Редьярда Киплинга, Жаботинский посетовал на то, что еврейскому читателю даже в Европе ничего из произведений Киплинга кроме «Книги джунглей» не известно, тогда как он, Жаботинский, на основании стихов и прозы живого английского классика считает Киплинга «поэтом первопроходцев», тех, кто на иврите зовется *халуцим*:

В его стихах нашли выражение все те стремления и качества, которые превратили южную половину небольшого острова в метрополию великой империи, а в известном смысле и в центр всего мира. Национальный аппетит, любознательность новаторов, дерзость и стойкость бойцов, терпение пахарей, возделывающих чужую почву, смелая и навивная вера в предназначение английского народа как носителя культуры и насадителя юридического права².

Жаботинский подчеркивал, что, согласно Киплингу, любая работа на благо нации — свята, в ней все значимо, малое и большое. Планы гостя неведомы, замечает он, и «если даже он посетит наши сельские хозяйства и увидит наших строителей, распознает ли он в них своих единомышленников, а они — признают ли в нем одного из творцов того мощного потока идей, который увлек их и принес сюда?»

Подобный взгляд на художественную литературу, когда из всякого прочитанного произведения извлекается урок для нации, был присущ Жаботинскому с тех пор, как он осознал себя сионистом — с 1903 г. Вот два примера из статьи 1904 года «Десять книг»: первый — данная им характеристика свифтовских «Путешествий Гулливера»: «“Гулливер” все-таки очень полезная книга для взрослых — хотя бы потому, что там рассказано о том, на какие чудеса способен народ карликов, если ему даны от небесных властей любовь к родному углу и от земной власти — разумное государственное устройство. Очень полезный вообще урок»³.

¹ ז' ל'בוטינסקי. סקביץ' // חדשות הארץ, ירושלים, ערב סוכות תר"פ (8.10.1919).

² ז' ל'בוטינסקי. משורר החלוצים // דואר היום, ירושלים, 13.3.1929.

³ Цит. по: Zhabotinskii 2012.

Так Жаботинский выводит взрослый сионистский «урок» из детского чтения и преподносит сюжет английского романа XVIII столетия как образец для решения насущных проблем еврейского народа, неотступно занимавших его мысли. Второй пример еще более неожиданный: «Говорю вам: на что ни взгляни, вспомнишь Шекспира. Даже такое новорожденное явление, как еврей-сионист или националист, было бы непонятно мне, если бы я не вспомнил странной психологии венецианского жида, который на последних ступенях отвержения сохранил суровую национальную гордость и говорит: “Мой святой народ”»⁴.

Беллетристика служила Жаботинскому историческим свидетельством и аргументом. Приведу примеры:

...Было время, когда даже дворянские барышни, вроде пушкинской Татьяны, умели писать только по-французски⁵.

Это естественным образом заставило нарождавшуюся еврейскую интеллигенцию с жадностью наброситься на языки окружающей среды. <...> Яркий памятник того настроения нарисован Лавандой в романе «Горячее время». Герой этого романа — «просветитель», действующий в Вильне, в эпоху непосредственно перед 1863 годом, когда на Литве начиналась борьба двух культур — русской и польской⁶.

Если разобраться, большая часть вещей, которые мы создаем, поскольку привыкли считать их «необходимыми», на самом деле необходимы не являются. Не только часы и галстук, но и стул, стол и кровать вовсе не «необходимы». Критерий тому — остров Робинзона. Самый изнеженный миллионер, если его сослать на необитаемый остров, останется в живых при условии, что там найдется жизненный минимум⁷.

Легко заметить, что Жаботинский относится к романским персонажам и коллизиям как к реальности и использует их для иллюстрации высказываемых мыслей и для ссылок на предшествующий опыт человечества. Но в его беллетристическом творчестве наблюдается и обратное: в ткань своей художественной прозы он вплетал факты собственной жизни.

В автобиографии Жаботинский сообщает:

⁴ Zhabotinskii 2012.

⁵ Речь в Обществе распространения просвещения между евреями в Одессе (1910). См. Zhabotinskii 1978, 36.

⁶ Zhabotinskii 1978, 37.

⁷ Цит. по книге Kh. Sh. Galevi («Панбазилевство»). См.:

מנהיג הדור. קובץ מוקדש לזכרו של זאב ז'בוטינסקי. י. וורניק, י. רובין, א. רמבה (עורכים). הוצ' המחלקה לתרבות של שלטון בית"ר. בלי ציון שנה (?1941) עמ' 24.

Галеви сообщает, что текст Жаботинского взят им из опубликованного в 1938 г. в Варшаве в журнале Бейтара Мецуда (Крепость) перевода на иврит неоконченного очерка, написанного по-русски в Лондоне под названием «Введение в учение о хозяйствовании», и что оригинал, по-видимому, утрачен при бомбежках.

Был у меня в Одессе дядя, старший брат матери, дядя Абрам <...> в канун моего отъезда [в Берн в 1898 г.], когда я зашел проститься с ним, сказал мне вещь очень разумную и полезную:

— Я слышал, что ты хочешь стать писателем и ради этого избрал странный путь. Это не мое дело. Но вот что ты должен помнить: если ты преуспеешь, все согласно станут уверять, что ты умница, а если не повезет, скажут: «невежда, и мы всегда знали, что он просто дурак»⁸.

А в романе «Пятеро» Игнац Альбертович высказывается так:

У нашего сына Марко, что ни месяц, новая фантазия; я ему всегда говорю: «С Богом, желаю успеха; только помни: если тебе удастся, я скажу молодец, я всегда предсказывал, что из него выйдет толк. А если провалишься, я скажу: да разве я еще с его рожденья не знал, что Марко — дурак?»⁹

В фельетоне «Еврейская крамола» (1906) Жаботинский пишет:

Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Огромная толпа гáванских и заводских рабочих, самодельная трибуна и ораторы на этой трибуне. Днем толпа еще не была пьяна <...> И в толпе всякий раз, со второго слова каждого оратора, слышалось замечание: А он жид? — Именно замечание, а не возглас, не окрик; в этом, сохрани Боже, не чуялось никакой злобы <...> Но ясно в то же время ощущалось, что подъем толпы гаснет. Ибо в такие минуты, как та, нужно, чтобы «толпа» и ее «герой» звучали в унисон, чтобы оратор был *свой* от головы до ног, чтобы от голоса, от говора, от всей повадки его веяло родным — деревней, степью, Русью¹⁰.

А в романе «Пятеро» (в главе «Потемкинский день») читаем:

... Повсюду на бочках и тумбах стоят ораторы и говорят такие вещи! <...>

— Не подействует, к сожалению, — резко вдруг проговорил Руницкий.

Почему не подействует, он не прибавил; но так ясно, как будто он это предо мной отстукал по телеграфу <...> оттого не подействует, что все ораторы «из ваших» (из евреев — *З. К.*)¹¹.

Отношение к беллетристике и действительности как взаимным отражениям у Жаботинского было доведено до крайности, до полного исчезновения разделительной грани, и потому художественная литература стимулировала его политические идеи и практические шаги в национальной работе. Я постараюсь показать, как выполненный Жаботинский перевод романа Р. Джованьоли «Спартак» помог созданию юношеской военизированной

⁸ Zhabotinskii 1989, 21.

⁹ Zhabotinskii 1990, 28.

¹⁰ Zhabotinskii 1978, 52.

¹¹ Zhabotinskii 1990, 140.

ванной еврейской организации «Бейтар», а прочитанная в детстве книга о Гарибальди инспирировала создание Еврейского легиона.

* * *

В 1913 г. в Вене, на Конференции сионистов России, посвященной вопросам культуры, Жаботинский изложил свою программу национального воспитания еврейских детей¹². Суть программы сводилась к тому, что национальное воспитание возможно единственно в атмосфере иврита, причем все знания о мире должны усваиваться ребенком на этом национальном языке, и потому нужны школы с преподаванием *всех* предметов на иврите. В своем докладе Жаботинский в частности сказал:

Маленького ребенка, особенно если это *нормальный* ребенок, не интересуют национальные проблемы. Совсем другие вопросы будят его любопытство: почему в поезда не впрягают коней? что такое электрический свет, который горит в рыночных фонарях? откуда берутся летняя жара и зимний холод? где находится Америка, откуда приходят письма старшего брата?.. Записывайте в течение месяца все вопросы, которые будет задавать вам ваш маленький сын, и вы убедитесь, что и малая часть их не коснется народа Израиля».

Именно язык, на котором ребенок познает окружающий мир, становится его культурным багажом, языком его мыслей и чувств, и коль скоро это будет иврит — ребенок одним этим получит национальное воспитание. Поэтому нужны школы, где бы все предметы преподавали на иврите, а для успешной работы таких школ необходимы не только ивритские учебники, но и книги для чтения. В настоящий момент, как заметил Жаботинский, нет оригинальной детской литературы на иврите, да и литература для взрослых пребывает пока в зачаточной стадии, поэтому нужно переводить книги мировой литературы, адаптируя их для юного возраста. Вспоминая, как люди его поколения воспитывались на русском языке, он указывает, что главным источником были романы «Майн-Рида, Жюль Верна, Фенимора Купера, Густава Эмара, Буссенара, Жаколио, Ворисхопера, сокращенные издания Вальтера Скотта или Диккенса и т. п. (а не Пушкин и Тургенев) <...> потому что их книги были интересны, и читались они по-русски. Переводить, переводить и еще раз переводить, начиная со сказок Вильгельма Гауфа и кончая романами Шпильгагена¹³, потому что их сегодня читают дети»¹⁴.

¹² Доклад Жаботинского «Язык образования» был опубликован в журнале «ха-Шилоах»:

ז'בוטינסקי, «שפת-ההשכלה», השלוח, (1914) 4, 30, עמ' 411–405, (1914) 5, עמ' 511–501.

¹³ Фридрих Шпильгаген (1829–1911) — немецкий романист, чьи актуальные политические романы были популярны в России во второй половине XIX в., особенно в народнической среде.

ז'בוטינסקי, «שפת-ההשכלה», השלוח, (1914) 4, 30, עמ' 411.

«СПАРТАК» ДЖОВАНЬОЛИ И ЕВРЕЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Еще до того, как Жаботинский высказал в Вене свой взгляд на дело национального воспитания, он выступил инициатором создания издательства переводной литературы для детей и подростков. 17 февраля 1911 года иерусалимская газета сообщала:

В память М. Цейтлина из Петербурга, безвременно умершего по дороге на Восьмой сионистский конгресс, его наследники учреждают литературное предприятие под названием «Тургеман».

Это предприятие будет регулярно издавать в замечательных, выполненных лучшими писателями переводах на иврит избранные произведения мировой литературы для отрочества, особенно истории о событиях грандиозного масштаба с увлекательными сюжетами.

Предприятие будет находиться в Одессе под управлением господ М. М. Усышкина, Х. Н. Бялика и И. Х. Равницкого, а редактуру будут осуществлять два вышеупомянутых литератора.

В первый год готовятся к выпуску среди прочего следующие книги: «Приключения Тома [Сойера]» (Марк Твен), «Тысяча и одна ночь», «Спартак», «Дон Кихот» и ряд произведений Жюль Верна, Майн Рида и др.¹⁵

Заметка не упомянула, что издательство «Тургеман» (т. е. «Переводчик») было создано по инициативе Жаботинского и что погибший в железнодорожной катастрофе по пути в Гаагу на 8-й Сионистский конгресс Моше Цейтлин (1872–1907) был его другом: они вместе работали в редакции *Еврейской Жизни* в Петербурге, а потом — в *Рассвете*¹⁶. Уговаривая вдову товарища пожертвовать на новое начинание 25 тысяч рублей, Жаботинский, наверное, сослался на то, что 8-й Конгресс признал иврит «официальным языком сионистского движения, его руководящих органов, конгрессов и съездов» и что «национальный язык является для сионистов обязательным».

«Тургеман» был создан как дочернее издательство при принадлежавшем Бялику издательстве «Мория» в Одессе. Жаботинский жил тогда в Петербурге и не только следил за работой «Тургемана», но и переводил для него с итальянского роман Рафаэлло Джованьоли «Спартак». Выполненный Жаботинским перевод¹⁷ был сокращенным, ориентированным

¹⁵ חדשות ספרותיות // החרות ירושלים, 17.02.1911, עמ' 3.

¹⁶ «Остальные столпы нашего ежемесячника — пятеро студентов <...> и инженер Моисей [Моше] Цейтлин, который оставил доходную должность в Баку и переехал со своей семьей в Петербург — «просто так», чтобы работать с нами» (Zhabotinskii 1989, 57).

¹⁷ רפאל ג'ובניולי. אֶסְפֶּרְתִּיקוֹס. תרגום מקוצר מאיטלקית ע"ל ז'בוטינסקי. הוצ' תורגמן באודסה. תרע"ג.

Жаботинский посвятил свой труд памяти Моше Цейтлина.

на юного читателя. Редактор литературного отдела варшавской газеты на иврите *Га-Цфира* Фишель Ляховер по этому поводу писал:

Издательство «Тургеман» видит свою задачу в том, чтобы «пополнить нашу воспитательную литературу качественными переводами на иврит всех тех произведений, которые уже получили признание среди всех цивилизованных народов как лучшая классическая беллетристика для детей и юношества». Это издательство уже выпустило «Приключения Тома [Сойера]» в переводе Тавьова, «Дон Кихота» в переводе Бялика, сказки «Тысячи и одной ночи» в переводе Давида Елина. И вот теперь вышла книга Рафаэля (sic!) Джованьоли «Спартак», исторический роман о восстании рабов в империи Древнего Рима. Этот роман уже сам по себе читается с превеликим удовольствием, он увлекает читателя и пробуждает в нем мысли, всегда актуальные мысли... И наша молодежь наверняка будет благодарна «Тургеману» за чудесный подарок.

Перевод г-на Жаботинского чрезвычайно удачен; плавно льется его богатый язык, хотя содержание книги часто касается тем, которых сторонится наша современная литература.

Внешнее исполнение книги, как и всех книг «Тургемана», выше всяких похвал¹⁸.

Рецензент, как видим, утверждал, что описанные в романе события из истории Древнего Рима относятся к «воспитательной литературе» и пробуждают в молодом читателе «актуальные мысли», что свидетельствует о рецепции книги Джованьоли в еврейских кругах, ориентированных на «национальное возрождение» и сионизм.

На иврите роман претерпел существенные сокращения: Жаботинский опустил все пространные описания внешности персонажей и их характеров, а также деталей обстановки. Он исключил ряд третьестепенных действующих лиц, сосредоточившись на Спартаке, его ближайшем окружении, врагах и завистниках. Жаботинский постарался избежать собственных Джованьоли повторов, устранял рассуждения автора и излагаемые им сведения, если о том же можно было узнать из прямой речи персонажей или непосредственного описания событий. Так, Джованьоли сначала сообщает читателю «от автора» о том, какое значение имела для Спартака дисциплина в рядах его армии, которая лишь однажды, в самом начале, запятнала себя грабежом, а через несколько страниц приводит гневную речь Спартака, клеймящего бойцов за то, что обобрали жителей взятого ими города, Жаботинский же в переводе ограничился только речью Спартака.

Ряд изменений в тексте обусловлен той воспитательной задачей, которая стояла перед переводчиком. В перевод Жаботинского не попали жестокие или развратные эпизоды (оргии Суллы, убийства в бане, детали смерти

¹⁸ רשימה ביבליוגרפית (ספרים שנתקבלו במערכת) // הצפירה, 14.11.1913. עמ' 6.

диктатора; куртизанка была названа «танцовщицей», причем примечание переводчика поясняло, что в той культуре танцовщицы находились на дне социальной лестницы), а также побочные линии, рассказывающие о коварстве и вероломстве, если их изъятие не нарушало целостности сюжета. Тем самым увеличился удельный вес эпизодов, прославляющих тактические решения Спартака. Перевод часто опускает информацию о потерях повстанцев, зато называет число павших римских легионеров и их командиров, нигде, однако, не умаляя достоинства вражеской армии, подчеркивая, вслед за подлинником, отвагу римлян, их верность своим полководцам и умение сражаться. Рассказав, что Спартак сформировал свои легионы по национальному признаку, Джованьоли указывает, что это имело свой плюс (сплоченность внутри легиона) и минус (конфликты между легионами), но Жаботинский о раздорах умолчал. Ясно, что к «темам, которых избегает современная литература на иврите» (как отметил Ляховер), следует отнести описания обычаев языческой культуры Рима, а также интимных отношений между мужчиной и женщиной. Жаботинский последовательно стремится акцентировать романтические чувства, но не физическое влечение.

В отличие от Бялика, Жаботинский активно пользуется постбиблейским ивритом и часто объясняет употребленные им слова раввинистической литературы (Мишна, Талмуд, Мидраш) в постраничных примечаниях с помощью их библейских синонимов. Все имена и понятия римской

Израэль Хаим Тавьов (1858–1920) — писатель эпохи еврейского «национального возрождения», переводчик и педагог, автор учебников для школ с преподаванием на иврите. Давид Елин (1864–1941) — профессор, инициатор создания в Иерусалиме педагогического колледжа (ныне его имени) и Комитета языка иврит (ныне Академия); третье поколение евреев (из Польши) в Иерусалиме; переводил с арабского языка. Помимо названных, в издательстве «Тургеман» вышли три книги в переводе видного писателя, критика и поэта Давида Фришмана (1859–1922): «Беседы Гримм» [«Сказки братьев Гримм»], «Сказки» М. Нордау и «Сказки и истории» Г. Х. Андерсена, а также «1893-й год» В. Гюго, «Айвенго» В. Скотта и «Давид Копперфильд» Ч. Диккенса — все три в переводе журналиста и переводчика для «Мории» Моше Бен-Элизера (Glembotskii, 1882–1944). Издательство «Тургеман» закрылось после Октябрьской революции. Жаботинский и позднее, живя в Палестине, старался проводить ту же линию в отношении литературы, необходимой осваивавшему иврит еврейскому читателю. Среди его единомышленников были писатель Авигдор Га-Меири (1890–1970), считавший, что будни нового *шува* предоставляют богатый материал для приключенческих рассказов и романов, и автор первых местных детективных историй, первый частный детектив на Земле Израиля Давид Тидгар. (См. об этом: Korelman 2006, 129–146). Чтобы молодежь могла покупать эту «развлекательную» литературу, ее выпускали дешевыми карманными книжечками, однако без финансовой и идейной поддержки сионистского руководства эта культурная инициатива была обречена. Но одесское издательство «Тургеман» благодаря союзу Жаботинского с Бяликом удостоилось благосклонного отношения со стороны руководства *шува* к переводам на иврит «несерьезной» (неканонической) литературы.

культуры даны в огласованном виде, чтобы читатель научился правильно их произносить.

Книга вышла из печати в сентябре 1912 года, и по получении тома Жаботинский тут же написал Бялику из Петербурга в Одессу:

Вчера я получил «Спартака» и чрезвычайно обрадовался. Большое спасибо за огромный труд, который Вы в него вложили. Не знаю, какую пользу принесет эта книга Вашему здоровью, но для меня польза от нее и ценность ее огромны. Я чувствую, что эта работа и чтение Ваших исправлений существенно обогатили мои знания иврита.

Мне очень жаль, что в настоящее время я не могу помочь развитию «Тургемана» в той мере и теми средствами, как я надеялся. Как бы то ни было, но после всех предпринятых начинаний я убедился, что в мире иврита есть место этому издательству, и оно внесет достойный вклад в развитие национального образования.

Пожалуйста, напишите мне о Ваших рабочих планах на следующий год. В начале ноября я заеду на день-два в Одессу, и тогда мы сможем встретиться; но хорошо бы знать о Ваших замыслах уже теперь.

Прошу Вас, уважаемый, прислать мне рукопись [«Спартака»] с Вашими исправлениями *красными чернилами*. Помимо этого попрошу выслать один экземпляр моего перевода моей матери ([Одесса,] Новорыбная ул., д. 1). Всё — за мой счет...¹⁹

Это письмо Жаботинского, видимо, сильно преувеличивает роль Бялика. Ближе к истине свидетельство первого директора Дома-музея Х. Н. Бялика в Израиле, хранителя и исследователя бяликовского архива Моше Унгерфельда. Унгерфельд познакомился и близко сошелся с Бяликом в Вене в последние годы поэта, регулярно приезжавшего в австрийскую столицу на лечение (напомню, что Бялик умер 6 июля 1934 года в венской больнице, и было ему чуть больше 61 года). В заметке «Х. Н. Бялик и З. Жаботинский (к 90-летию Бялика)» Унгерфельд писал:

Бялик любил рассказывать, как Жаботинский принес ему первые листы своего перевода из Данте и из Джованьоли, и он, Бялик, ни одно слово не оставил без исправления. Но Жаботинский быстро обучался на этих исправлениях, и когда он принес четвертый лист, Бялик не нашел, что поправлять²⁰.

Перевод «Спартака» выполнил воспитательную роль, предназначенную ему переводчиком, и можно с уверенностью сказать, что многие юные читатели книги пополнили впоследствии ряды «Бейтара».

¹⁹ Письмо № 108 от 30 сентября 1912 г. («четвертый день Суккота») цит. по изданию писем Жаботинского:

ז. ז'בוטינסקי. אגרות, כרך א (מאי 1898 – יולי 1914). ירושלים, תשנ"ב. עמ' 138–139.

²⁰ מ. אג"ף. בין ח.ג. ביאליק לבין ז'בוטינסקי // חרות, 4.1.1963. עמ' 6.

«БЕЙТАР» — ОТРЯДЫ ЕВРЕЙСКИХ СПАРТАКОВЦЕВ

Осенью 1960 г. в Институте Жаботинского в Тель-Авиве открылась выставка, посвященная жизни и деятельности основателя и первого лидера движения «Бейтар». Выступая на открытии выставки, Менахем Бегин, в частности, сказал:

Жизнь Жаботинского можно разделить на четыре периода. Первые двадцать лет — учеба, наблюдение и поиски пути. Центральным событием этого периода была поездка покойного в Италию и возникшая там душевная привязанность к народу Гарибальди, который сражался за освобождение своей страны.

Следующие двадцать лет его жизни — призыв к нации освободить свою душу от рабских оков *галута* [изгнания]. Центральное событие этого периода — создание боевых отрядов, вооруженных сил²¹.

Итак, центральным событием второго периода в жизни Жаботинского (согласно периодизации Бегина) было создание в 1923 г. в Риге боевой молодежной сионистской организации «Бейтар» (аббревиатура слов «Брит [Союз] Йосеф Трумпельдор»), филиалы которой почти сразу возникли во всех странах Восточной Европы. Как известно, Бейтаром называлась также крепость в древней Иудее, последний оплот евреев в попытке вернуть стране независимость (Бейтар пал в 135 году). Созданию «Бейтара» предшествовал призыв Жаботинского создать законную еврейскую армию для защиты евреев Страны Израиля. Книга Р. Джованьоли «Спартак» сыграла важную роль в подготовке умов и сердец для «Бейтара», в национальном воспитании, бывшем для Жаботинского главной целью круга детского чтения.

Появление «Спартака» в переводе Жаботинского не прошло незамеченным. Критик Натан Гринблат (Горен; 1886–1956) писал в журнале Всемирной сионистской организации *Га-Олам* (12 марта 1914): «Следует поблагодарить издательство «Тургеман» еще за то, что вместе с новой книгой привело к нам новое желанное лицо — г-на Жаботинского. Мы будем рады, если эта первая работа весьма талантливого писателя на ниве нашей литературы не станет последней».

Близкий к Бялику ивритский поэт Залман Шнеур (1889–1959), впоследствии также прозаик, чье творческое формирование началось в Одессе, и первый его сборник стихов вышел в издательстве «Мория»²², отозвался на перевод романа патетическим стихотворением «Спартак», посвященным Жаботинскому. С тех пор это стихотворение неизменно звучало на всех чествованиях Жаботинского, а после его смерти — на всех церемониях поминовения этого сионистского лидера²³.

²¹ נפתחה תערוכת ז'בוטינסקי // חרות, 03.11.1960. עמ' 4.

²² ז. שניאור. שירים ופואמות, 1913–1900. אודסה: "מוריה", תרע"ד.

²³ Оно было напечатано и в мемориальном сборнике статей «Вождь поколения» («מנהיג הדור»), изданном движением «Бейтар» в Палестине (см. выше, примеч. 7).

Стихотворение Шнеура соединило еврейскую судьбу лирического «я» с деяниями великого фракийца, представило вкратце историю человечества, дав ее в образе гигантского цирка, где на потеху «вооруженным державам» убивают себя на арене «страны и народы, не имеющие оружия», и после ряда сложных метафорических образов, среди которых был образ народа-скитальца, завершалось выводом о том, что гибель Спартака до сих пор не отомщена и поднятое им восстание не доведено до конца.

Жаботинский сделал перевод стихотворения Шнеура «Спартак», сократив 99 строк до 28 и привнеся в него рифмы, и поместил в своей парижской газете *Рассвет* (4 апреля 1928). Привожу его целиком:

СПАРТАК

Люди меча, сыны забвенья и проклятий —
Где б ни был след тяжелый ваших ног,
В росе травы, в пыли, в грязи дорог —
Я, преклонясь, целую те печати.
Вы — за меня погибшие борцы:
За всех, как я, таящих душу волчью
И ненавидящих всей нашей горькой жёлчью
Судьбу овцы, что мечется и блеет под грозою
И шерсть отдаст и тук — от кроткой простоты —
За лишний день отсрочки до убоя,
За день травы...

Спартак, когда б не ты,

Когда б не ты и все вы, что мечами
Сломили беззаботность палачей
И подняли рабов (с гранитными плечами,
Но с сердцем пойманных мышей),
Когда б не вы, чем я-то был бы ныне —
Сын рода без меча и без твердыни...

Ты пахарь был, твой меч был плугом. Ты,
Ты смёл мечом глушивший землю хворост;
Пробил к сердцам пути, как сеть борозд
По каменистой почве; снес хребты...
И если в мир потом послала Галилея
Босого, бледного еврея,
И он прошел века и земли, сея
Тебе неведанную правду, если так —
Он сеял там, где ты вспахал,
Спартак!

В словах «за всех, как я, таящих душу волчью», читатели видели намек на имя Жаботинского — Зеев (т. е. «волк»). В буквальном переводе с иврита текст этого фрагмента выглядит так: «За меня и за всех, восстаю-

щих на старое, / за всех, чьи мысли-волки / питают ненависть с рождения к мыслям-овцам...» Если под «старым» понимать любой статус-кво, стихи откровенно указывают на учение Жаботинского, на мятежный ход его мыслей, увенчавшийся созданием еврейских военных подразделений.

В стихотворении Шнеур упомянул Иисуса: «Разве не был ты первым — пахарь бесстрашный? — / Ведь ты отнял мечом эту землю, ты ее разровнял и проложил борозды на сердцах, / чтобы следом пришел и прошел босиком — *ессе homo* — бледный еврей галилейский, / бросив семя свое на много столетий вперед. / Это семя всесильным законом возшло у народов, а ты и не знал». Зачем понадобился Шнеуру этот чуждый еврейскому традиционному миру персонаж? Может быть, для того, чтобы показать, что уроки истории не предсказуемы, и из героического прошлого может родиться жестокое будущее, как те гонения, которым подвергались евреи во имя христианской доктрины? Или чтобы показать, что новый порядок вещей создается теми, кто отрекается от традиции и убеждает мир в своей новой правоте? Или что не обязательно иметь «гранитные плечи», если у тебе «львиная душа»? А может быть, Иисус — просто символ провозвестника новой правды, подобный пушкинскому: «Свободы сеятелю пустынному». Как бы то ни было, стихотворение Шнеура «Спартак» объединяло древний Рим с последующими эпохами и трактовало Спартак как прототипа будущих бунтарей.

Лидер ревизионистского движения Аба Ахимеир в связи с переездом Залмана Шнеура из США в Израиль писал:

«Гаон и раввин» Шнеура — единственный на сегодня исторический роман в нашей культуре (*после «Самсона» Жаботинского*). <...> Главное в поэзии Шнеура — постановка проблемы. Если Бялик писал об отмщении в поэме «Сказание о погроме», а Черниховский — в поэме «Барух из Майнца», то Шнеур назвал нам мстителя, это *революционер Спартак*. И не случайно стихотворение посвящено Жаботинскому, посвящено раньше, чем был создан Еврейский легион. Ибо Шнеур — поэт-пророк. За год до начала войны 1914 года он пишет поэму «Близится Средневековье»²⁴.

То есть для Ахимеира Шнеур в исторической прозе — прямой наследник Жаботинского, а стихотворение «Спартак» было прочтено как пророческое указание на будущую роль Жаботинского в создании Еврейского легиона. Тогда же, неделей позже, в той же газете появилось открытое письмо поэту Залману Шнеуру под заглавием: «Беги, друг!». Его автор, журналист и писатель Й. Нец (Йосеф Винницкий, 1914–1965), обильно

²⁴ 5 עמ' 11.11.1949, חרות // השלישי מהלוושה // אהימאיר. ח. Подчеркнуто мной. Роман Шнеура (1942) рассказывает о сложных отношениях между лидерами двух массовых направлений в иудаизме — Виленским Гаоном р. Элиягу (1720–1797) и основоположником Хабада р. Шнеуром Залманом из Ляд (Альтер Ребе; 1745–1813).

цитирует стихотворение «Спартак» и уверяет, что высказываемые в нем идеи — *мысли-волки* — чужды впавшей в самодовольство израильской культуре и посвящение Жаботинскому будет воспринято как крамола. Нец пишет о жалкой участи поэтов в молодом еврейском государстве, в частности, *элина, певца природы* Черниховского затолкнули в тесный врачебный кабинет принимать больных²⁵.

Соратники и последователи Жаботинского видели в нем современного еврейского Спартака, и создание «Бейтара» подтвердило правоту программы Жаботинского о национальном воспитании. Книга бывшего гарибальдийца в переводе Жаботинского сумела привить еврейскому юношеству ощущение преемственности, пробуждала желание вести борьбу за освобождение угнетенной нации.

3 ноября 1930 года на многотысячном митинге «Бейтара» в Тель-Авиве по случаю 50-летия Жаботинского профессор Еврейского университета в Иерусалиме Йосеф Клаузнер (1874–1958), бывший нередко оппонентом Жаботинского, провел сравнение между ним и Герцлем, отметив в обоих чувство еврейского достоинства и умение провидеть то, чего не видит никто вокруг, но что со временем доказывает свою правоту. Обращаясь к собравшимся, Клаузнер сказал, что «Самое великое творение Жаботинского — это вы, пришедшая сюда многочисленная публика. Именно Жаботинский создал наше молодежное движение. Благословен час, когда в его голове зародилась мысль о молодежном движении. Кто знает, как сложилась бы судьба сионизма, если бы у нас не было этой молодежи. Большинство еврейского юношества ушло в коммунисты и социалисты, а сионистскую молодежь создал для нас Жаботинский, ее у нас не было²⁶».

«ЛЕГЕНДА О ГАРИБАЛЬДИ...»

Но если уж выбирать между «действительностью» и легендой, то лучше верить в легенду.

В. Жаботинский²⁷

«Легенда о Гарибальди, сочинения Мадзини, поэзия Леопарди и Джусти обогатили и углубили мой практический сионизм и из инстинктивного чувства превратили его в мировоззрение», — писал Жаботинский в «Повести моих дней». По-видимому, впервые он узнал о борце за национальное освобождение и объединение Италии из книги Анны Цомакион «Дж. Гарибальди: его жизнь и роль в объединении Италии», выпу-

²⁵ . נצ. "ברה, דודי!" איגרת אל המשורר זלמן שניאור // חרות, 18.11.1949 עמ' 3.

²⁶ .4 עמ' 3.11.1930. דואר היום, 3.11.1930.

²⁷ Zhabotinskii 1989, 42.

щенной в книжной серии биографий замечательных людей издательства Ф. Ф. Павленкова²⁸ в 1892 г., когда Жаботинскому было 12 лет²⁹. В книге сообщалось, в частности, что Гарибальди трижды побывал в Одессе, причем его первое путешествие описано весьма романтически.

Но если упоминание Одессы и могло приблизить отрока Жаботинского к личности Гарибальди, то гораздо большее впечатление на юного читателя должны были произвести слова введения, называвшегося «Гарибальди и Италия»:

В первые десятилетия XIX века печальная политическая судьба полуострова не переставала занимать мысли передовых людей Италии. Сознывая громадные духовные силы своей нации, подарившей миру таких гениев слова, как Данте, Петрарка, Боккаччо, Ариосто, Торквато Тассо, таких мыслителей, как Макиавелли, Галилей, Джордано Бруно, таких корифеев искусства, как Рафаэль и Микеланджело, — люди эти не могли примириться с ее политическим ничтожеством, с приниженностью и забитостью ее народа³⁰.

То же сознавал и Жаботинский, когда в 1903 г. в «Речи к учителям» сказал: «... что еврей, воспитанный по-нынешнему, знает о еврействе, т. е. о самом себе; только то, что видит вокруг, то есть картину, не могущую польстить чувству национального достоинства. Если бы ему была известна колоссальная летопись еврейского величия и еврейского скитания, он мог бы почувствовать, сколько благородных сил кроется в этом маленьком, но непобедимом племени, и ощутил бы гордость, и приучился бы радоваться при мысли, что он еврей»³¹. И в 1910 г., выступая в Обществе распространения просвещения между евреями, Жаботинский указал, что настала новая эпоха, когда евреи овладели уже общей культурой, а «русский

²⁸ Силами просветителя Ф. Ф. Павленкова (1830–1900) было предпринято первое в России универсальное собрание биографий. «Серия выходила с 1890 по 1915 год (после смерти Павленкова проект серии был завершен его душеприказчиками) и имела успех у читателей всех возрастов, выдержав 40 дореволюционных переизданий общим тиражом примерно 1,5 млн. экз. Рассчитанные на широкий читательский круг, книги павленковской серии стоили дешево (25 коп.), были небольшими по объему, но необычайно емкими по содержанию. В юношеские годы ими зачитывались Н. Бердяев, В. Вернадский, И. Бунин, А. Толстой и многие другие...» (Предисловие к кн. Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей. В 3 т. М.: Олма-Пресс, 2001).

²⁹ Автор книги о Гарибальди Анна Ивановна Цомакион (1855–1922) тоже была одесситкой; для серии Павленкова ею были написаны еще две биографии: «А. А. Иванов, его жизнь и художественная деятельность» и «Сервантес, его жизнь и литературная деятельность». Биография художника Иванова могла привлечь внимание Жаботинского к сопоставлению Италии и еврейской Палестины.

³⁰ Абзац обрамляет слово «политический», и именно так определяли тот сионизм, который ставил задачу возрождения *государственности* евреев на своей земле, а спустя годы стал ключевым в идеологии ревизионистов.

³¹ Zhabotinskii 1913, 7–8.

язык распространен так основательно, что *черта оседлости считается одним из лучших районов русского книжного сбыта*», и потому пора представить еврею собственную национальную культуру:

...Надо распахнуть перед подрастающим поколением все то великое и красивое, что есть в еврейской сокровищнице, ввести в нее, провести по всем углам, растолковать ценность каждой жемчужины, научить дорожить и гордиться. <...> Углубление в национальные ценности еврейства должно стать главным, основным, преобладающим элементом национального воспитания. <...> Это необходимо для того, чтобы удержат на еврейской ниве ее разбегающихся пахарей, чтобы еврейская масса не осталась без руководителей, «народ книги» — странная ирония судьбы — без интеллигенции!³²

Книга о Гарибальди в изложении Цомакион отвечала духу еврейского национального возрождения. Биограф отметила важную роль писателей в современной истории³³, в деле перевоспитания народа: один «громит итальянское общество, рисует весь ужас его падения и, противопоставляя ему величие героев древности, указывает новые пути, новые идеалы», другой «старается возбудить в поработанной нации чувство собственного достоинства <...> упрекает итальянцев в инертности, в пассивном ожидании свободы». Таковы были и «песни гнева» Бялика, о том же говорило его «Сказание о погроме», первое произведение, переведенное Жаботинским с иврита?³⁴

³² Zhabotinskii 1913, 23–24. Жаботинский занимает тут иную позицию, чем в программе издательства «Тургеман», и, в отличие от Цомакион, которой знакомы шедевры итальянской культуры, ограничивается общими словами, поскольку ему не хватает знаний. Однако ему известно, что его первый учитель иврита И. Х. Равницкий вместе с Х. Н. Бяликом уже несколько заняты составлением внушительного компендиума — книги «Агада» (1909–1911), где ими собраны и разъяснены важнейшие исторические, философские и легендарные фрагменты текстов Устной традиции — обоих Талмудов и неисчислимых мидрашей. Подобные мысли не раз высказывал Бялик, посвятивший последние четверть века своей жизни именно тому, чтобы издавать в доступной для современного читателя форме книги национального наследия, будь то Мишна или ивритские стихи средневековых поэтов. Жаботинский тоже внес свой вклад в ознакомление «разбегающихся пахарей» с жемчужинами еврейской сокровищницы — как раз тогда он переводил с иврита на русский язык «Песни и поэмы» Бялика (1911).

³³ Жаботинский считал литературу одной из движущих сил истории. Оценивая политический климат Италии в первой четверти XX в., он писал: «Если сохранились в моей памяти симптомы, предвещавшие уже тогда [в последние годы XIX века] приближение какой-то перемены в умах, то еще не Муссолини предвещали они, а Маринетти, литературное и философское течение, присвоившее себе (и это тоже произошло не тогда, а несколько лет спустя) титул “футуризма”, течение, историческое назначение которого, возможно, состояло в том, чтобы послужить прологом для движения Муссолини» (Zhabotinskii 1989, 26).

³⁴ Об отношении Жаботинского к ивриту см.: Kopelman 2013, 207–236.

Цомакион рассказала также о деятельности другого исторического лица — Мадзини:

Литературные занятия не могли долго удовлетворять Мадзини. Стремясь расширить круг своей деятельности, он поступил в общество карбонариев, где вскоре получил степень магистра, а затем в непродолжительное время и высший ранг. За свою принадлежность к обществу Мадзини подвергался преследованию властей и, будучи еще почти юношей, должен был оставить отечество. С тех пор он постоянно вел жизнь скитальца. Вскоре, однако, последовало для него разочарование в карбонариях, и он разошелся с ними. <...> составил собственный план нового общества «Молодая Италия», включая в этот план программу не только политического преобразования, но и коренных изменений в нравственном и религиозном строе общества».

Жаботинский в зрелые годы стоял на сходных с Мадзини позициях, только итальянцев ему заменили евреи, а Италию — их историческая родина, оттого не удивляет, когда он переносит на себя биографические обстоятельства Мадзини, как видно из письма к Арриго Риццини, близкому другу по первому пребыванию в Риме. Публикаторы письма сообщают, что «весной 1902 года Жаботинский был арестован по обвинению в хранении литературы (включая статьи, которые он публиковал в миланской газете), считавшейся властями революционной»³⁵. В этом письме от 29 декабря 1902 года из Одессы в Рим Жаботинский пишет: «Я сейчас под особым надзором после ареста (я провел семь недель в тюрьме, в славной и веселой компании, относились ко мне прекрасно <...>) и по сию пору ожидаю приговора тайного суда в Петербурге. Возможно, меня оправдают. А если нет, скоро увидимся, ибо я сбегу и пойду по бескомпромиссному пути Мадзини»³⁶. Это написано до Кишиневского погрома, до первой встречи с Шломо Зальцманом на спектакле итальянской оперы, то есть до тех знаковых событий, о которых сказано: «Начало моей сионистской деятельности связано с двумя явлениями: с итальянской оперой и с идеей самообороны»³⁷.

³⁵ ז'בוטינסקי, אגרות. כרך 1: מאי 1898 – יולי 1914. מכון ז'בוטינסקי בישראל, ירושלים, 1992. עמ' 10.

Сам Жаботинский тоже пишет об этом, и довольно весело, сообщая, как политзаключенные перезнакомились согласно полученным кличкам, и среди них был «Гарибальди», «столяр с Молдаванки», арестованный за участие в первоймайской демонстрации (Zhabotinskii 1989, 41). Ясно, что столяра прозвали «Гарибальди», поскольку в Одессе это имя было более чем популярно, но для истинного просвещения тюремной публики понадобилась лекция о возрождении Италии, которую Жаботинский и прочел «из уважения к “Гарибальди”» (Zhabotinskii 1989, 42).

³⁶ Там же, оригинал по-итальянски. Интересно, что в примечании публикаторы не уточняют, кто такой Мадзини, а просто перефразируют текст письма: «Начну конспиративную жизнь, уйду в подполье».

³⁷ Zhabotinskii 1989, 44.

И некоторые факты показывают, что детское впечатление от «легенды о Гарибальди» не стерлось с годами, и даже случайное упоминание о нем взрывается сгустком энергии, как в отзыве о поэме Д'Аннунцио «Ночь на Капрере» в 1904 г. («Десять книг») или в 1912 г., когда он писал фельетон «Мракобес», где анализировал неблагоприятную для сионизма особенность момента: негативное отношение просвещенной Европы к любой национальной идее и популярность интернационализма. Жаботинский сравнивал настроение умов в 1912 г. с настроениями в пору национально-освободительной войны Италии и Балканских народов. Его фельетон проникнут горькой иронией, как если бы он один наперекор всему миру отстаивал национальную идею. И тут Жаботинский прибег к сугубо литературному приему, известному мировой литературе начиная с пьесы Тирсо ди Молина «Севильский распутник и каменный гость» (1630)³⁸, — он оживил статую и заставил ее говорить:

В Риме, на холме Яникульском, стоит памятник Гарибальди; кто его видел раз в жизни, не забудет его никогда. Всадник повернул голову направо и с угрозой смотрит на синеватый купол Ватикана. Но мне в последнее время кажется, что смотрит он дальше, смотрит в нашу сторону, и с горькой усмешкой нам говорит:

— О люди, жалкий род, достойный слез и смеха!..³⁹

Далее следует длинный, на две страницы, монолог статуи — Гарибальди перечисляет свои заслуги в деле освобождения и объединения Италии, но так, как если бы участвовал в современной полемике между космополитами и националистами:

Я отдал свою жизнь Италии, но Герцен назвал меня рыцарем человечества. И я был рыцарем человечества и человечности, и я умел любить

³⁸ В русской литературе классическое воплощение этого сюжета о Дон Жуане создал Пушкин в «Каменном госте», а ожившая статуя возникает также в поэме «Медный всадник» (см. об этом: Ospovat, Timenchik 1987). На иврите к тому же приему прибегнул уже знакомый нам «преемник» Жаботинского Залман Шнеур, когда в поэме «Вильна» (1919) заставил говорить о прошлом и нынешнем положении еврейского народа статую Моисея, стоящую под портиком виленского Кафедрального собора. (О поэме «Вильна» см. Brio 2008, 141–157.) Эта поэма была переиздана в 1923 г. в Берлине, в только что созданном Ш. Зальцманом, З. Шнеуром и З. Жаботинским издательстве «Сефер», где наряду с роскошным томом поэзии Шнеура «Гешарим» («Мосты») вышел также сборник переводов Жаботинского из мировой поэзии, доказавший пластичность иврита в передаче любых поэтических метров, рифм и строфики.

³⁹ В. Жаботинский. Мракобес. Цит. по: Zhabotinskii 1913, 187. Фельетон «Мракобес» был переведен на многие языки, в том числе, на итальянский, и неоднократно републиковался, иногда под названием «Гарибальди». Пьедестал конной статуи Гарибальди работы скульптора Э. Галлори (1895) украшен бронзовыми аллегорическими фигурами Америки и Европы и горельефами, изображающими ожесточенные сражения гарибальдийских войск. На постаменте высечена надпись «O Roma o morte» («Или Рим, или смерть»).

и понимать все народы, и мое сердце было в каждой борьбе на стороне угнетенного. Но я больше всего на свете любил мой народ и его страну, и, когда надо было, я умел ненавидеть чужака-поработителя, и я не стыжусь, что до сих пор в Италии поется гимн моего имени с припевом: «Прочь из Италии, ибо час наступил, прочь из Италии, о чужеземец!» Да, я был рыцарем человечества, но я учил своих сограждан верить, что нет на свете высшего блага, чем нация и родина, и нет на свете такого Бога, которому стоило бы эти две драгоценности принести в жертву. И вот — моя работа предо мною. Я создал этот прекрасный третий Рим, я создал эту молодую новую жизнь, этот новый очаг творчества, имя которому Италия. И я верю, что мой памятник на холме виден не только Риму, но и миру, и по всем углам земли еще внятны и памятны мой призыв, и постепенно всюду, где только есть угнетенное племя с великим прошлым и горьким настоящим, всюду закипит борьба за *мой* идеал...⁴⁰

Жаботинский отстаивал идеал Гарибальди, когда тот был немоден; цитата показывает, что еврейский трибун воспринимал позицию Гарибальди в отношении Италии как идентичную своему взгляду на борьбу за независимое еврейское государство.

Книга Цомакион способствовала формированию национального самосознания Жаботинского и в годы войны подсказала ему идею Еврейского легиона. Возникло сходство в восприятии легенды о Гарибальди с восприятием предания о Спартаке: Жаботинский был убежден, что их примеры помогут современному молодому еврею выработать свой взгляд на цели в жизни. В таком же духе Жаботинский воспитывал своего сына Эри, который в воспоминаниях пишет:

Не знаю, задумывался ли когда-нибудь отец над тем, что его столь горячо любимый Рим в свое время стал причиной утраты нашей независимости. В любом случае, он не испытывал вражды не только к новой Италии, Италии Мадзини и Гарибальди, которые служили ему образцом и источником вдохновения, но и к Древнему Риму. Подобно герою его романа Самсону, который учился у филистимлян, и он тоже хотел учиться у римлян. <...> Он высоко ценил римское право. Однако любил и историю Рима. В римском законодательстве он ценил логику, которую противопоставлял методу галутного *пильпуля*⁴¹, лежащему в основе еврейского права. Я не знаю, почему его особенно интересовала история Древнего Рима. Я не разделял его интереса, хотя *одно из самых непостижимых моих воспоминаний связано с тем, как в 1920 году он ежедневно преподавал мне римскую историю* во время моих свиданий с ним в тюрьме Акко. Мне было тогда 9 лет, и я нигде не учился.

⁴⁰ Zhabotinskii 1913, 188. Слова Герцена о Гарибальди (из книги «Былое и думы») часто цитировались в русских публикациях о великом итальянце.

⁴¹ Пильпуль, особый метод логических рассуждений, присущий мудрецам Талмуда и принятый на протяжении всей еврейской истории для поиска новых смыслов в Писании и Устной традиции.

<...> Возможно, он полагал, что у Древнего Рима мы должны учиться порядку, а у нового Рима, сумевшего освободиться от гнета северных соседей, — свободолобию⁴².

Эри Жаботинский (1910–1969), как и его отец, родился в Одессе, но в шестилетнем возрасте мальчика увезли из черноморского города, а в девять лет он уже прибыл в Палестину. По менталитету Эри, безусловно, принадлежал к поколению уроженцев Страны Израиля, и он с полным основанием называл себя *сабра*. Эри прав: старшее поколение, сформировавшееся вдали от Палестины, традиционно воспитывалось на негативном отношении к Древнему Риму, и увлечение Жаботинского Римом и Италией не всегда было легко понять его современникам. И тут на помощь Жаботинскому вновь пришел поэт Залман Шнеур, опубликовавший в 1911 г. поэму «Под звуки мандолины», строки которой позволяли увидеть Италию глазами Жаботинского:

О, пой еще, пой мне еще, дочь Рима!..
...Забyla ты или не знаешь вовсе,
Что нас с тобой одно смуглило солнце,
Что море общее лизало в дни былые
Моей страны нахмуренные скалы
И родины твоей утес береговой?..⁴³

Книга Анны Цомакион о Джузеппе Гарибальди подробно рассказала о его Итальянском легионе, например, следующее:

Республика Монтевидео, или Уругвайская, предложила ему <Гарибальди> командование корветом «Конституция» и вместе с тем участие в войне, которую она вела с диктатором Буэнос-Айреса. <...> Видя бедствие страны, Гарибальди обратился к своим соотечественникам, которых в Монтевидео было много, убеждая их составить легион и сражаться за тех, которые оказали им гостеприимство. <...>

Итальянский легион не получал жалованья от республики; ему платили натурою, выдавая хлеб, соль, масло, водку и так далее. Тем же пайком, выдаваемым солдатам, довольствовался и начальник легиона — Гарибальди, никогда не бравший денег от республики. <...> Подвиги итальянского легиона покрыли его громкою славою. <...> Гарибальди ответил от имени всего легиона, что они «брались за оружие и предлагали свои услуги республике не из корыстных целей, но исключительно с тем, чтобы иметь честь разделить опасности с жителями области, которая оказала им такое радушное гостеприимство». <...>

⁴² עמ' 1980. ז'בוטינסקי, ערי. אבי, זאב ז'בוטינסקי. ירושלים – תל אביב – חיפה, הוצ' סטימצקי, 1980. עמ' 28.

⁴³ Стихотворение З. Шнеура «Под звуки мандолины» в переводе В. Ходасевича; цит. по: Khodasevich 1998, 299–300.

Сражаясь на чужбине, отстаивая чужую свободу, Гарибальди никогда не терял из виду своего отечества и своего народа. В самые страшные минуты, в жестоких схватках с противником, когда товарищи его, казалось, готовы были дрогнуть, одним напоминанием: *Дело идет о чести итальянского имени*, — он вызывал их на новые чудеса храбрости. <...> В то время в Италии происходили события, далеко подвинувшие ее на пути к освобождению.

Сравним это со свидетельством Зеева Глускина о собрании, состоявшемся 3 марта 1915 года в Александрии, куда с началом Первой мировой войны турки выслали из Палестины многих подданных Российской империи. На собрании присутствовали З. Глускин, П. Марголин, З. Жаботинский, Й. Трумпельдор и еще несколько лиц:

Собрание обсудило вопрос о добровольной мобилизации евреев в национальный легион из палестинских изгнанников, который предоставит себя на службу правительству Англии, чтобы участвовать в десанте в Эрец-Исраэль⁴⁴.

Глускин пишет о том, что собравшиеся составили «Обращение» к находившимся в Александрии евреям-иммигрантам с призывом вступать на добровольных началах в Еврейский легион и служить Великобритании в ее борьбе с турками на территории Страны Израйля.

Но обстоятельствами создания двух легионов сходство не исчерпывается. В книге Жаботинского «Слово о полку» (1928) есть такое замечание: «Сионисты ошибаются. Легион и для них необходим — и еще придет время, когда они будут стоять на улицах Уайтчэпеля <еврейский квартал Лондона> и рукоплескать его церемониальному маршу»⁴⁵. Эта воображаемая картина тоже была подсказана Жаботинскому историей Итальянского легиона в изложении Цомакион:

8 февраля 1846 года произошло знаменитое сражение при Сальто-Сант-Антонио, в котором Итальянский легион, снова показавший чудеса храбрости, одержал решительную победу над неприятелем, несмотря на его численность. Это было последнее большое дело легиона в республике Монтевидео. Военный министр, получив донесение об этом сражении, издал приказ по войскам, которым «для выражения легионерам высокого уважения армии» назначался парад гарнизону. Затем все корпуса вместе должны были продефилировать церемониальным

זאב גלוסקין. על יסוד הגדוד העברי הראשון (זכרונות) / בוסתנאי, 4 (12.05.1937), עמ' 16. ⁴⁴

З. Глускин (1859–1949) был сионистским деятелем, одним из основателей Реховота и винодельческого завода «Кармель» в Ришон-ле-Ционе, пропагандистом иврита и литературы на нем. Его усилиями была получена крупная сумма денег от евреев США для создания Еврейского легиона. Подпись З. Глускина, который по возрасту не мог служить в Легионе, стояла первой под «Обращением» с призывом вступить в Легион, за ней — подписи Жаботинского и Трумпельдора.

⁴⁵ Zhabotinskii 1989, 147.

маршем мимо легиона и приветствовать его криком: «Да здравствует отечество! Да здравствует генерал Гарибальди и его храбрые товарищи!»

Ссылка Жаботинского на замечание своего оппонента в сионистском движении Хаима Вейцмана подчеркивает значимость параллели между Итальянским и Еврейским легионом:

Самый последний остаток еврейского полка, продержавшийся на посту до лета 1921 года, состоял из палестинцев <евреев из Страны Израиля>. Об этих волонтерах Х. Е. Вейцман сказал однажды генералу Алленби: “Лучших солдат и у Гарибальди не было”, — и правильно сказал⁴⁶.

В свете сходства между Еврейским и Итальянским легионами можно глубже понять название книги Жаботинского. На первый взгляд, «Слово о полку» направляет русского читателя к «Слову о полку Игореве», но на деле это отсылка к другому историческому прецеденту — к «легенде» о Гарибальди и его Итальянском легионе в рядах действующей армии Уругвая. Не славянин князь Игорь, а итальянец Джузеппе Гарибальди был тем героем, деяния которого Жаботинский старался повторить ради возрождения Иудеи. И как по завершении войны в Южной Америке Гарибальди забрал бойцов своего легиона, чтобы бороться за объединение и освобождение родной Италии и вернуть ей славу Древнего Рима, так и Жаботинский мечтал сохранить Еврейский легион ради защиты евреев Страны Израиля вплоть до создания Еврейского Государства и его регулярной армии.

Может быть, величайшим достижением Жаботинского было создание Еврейского легиона. Потому что без этого сионизм так и остался бы отвлеченной идеей без какого-либо конкретного плана к осуществлению. Идея Еврейского легиона внезапно озарила будущее еврейского народа. Она показала, как именно может быть Палестина освобождена и удержана евреями — силой еврейского оружия. Все, что происходило после Первой мировой войны, — военная подготовка бейтаровцев, боевое подполье в Палестине в 1930-е гг., а затем Война за Независимость в 1948–1949 гг. — все было прямым результатом идеи, из которой возник Еврейский легион.

Таковыми патетическими словами воздали должное своему вождю авторы памятного фотоальбома «Зеев Жаботинский возвращается на родину», выпущенного по случаю перезахоронения 15 марта 1964 года останков Жаботинского на горе Герцля в Иерусалиме⁴⁷.

⁴⁶ Zhabotinskii 1989, 271.

⁴⁷ זאב ז'בוטינסקי שב למולדתו. אלבום בעריכת עידו דיסנצ'יק. תל-אביב, הוצ'ה הדר, 1965.

Осенью 1962 г. Израиль посетил внук Джузеппе Гарибальди Энцио (1894–1969). Его брат, бригадный генерал Пеппино Гарибальди (1879–1950), создал в 1914 г. в Париже добровольческий итальянский «Легион Гарибальди», который сражался в рядах Иностранного легиона французской армии. Традиция итальянских добровольческих легионов передавалась в семье от деда к сыну и дальше — внукам⁴⁸.

О визите Энцио Гарибальди сообщали израильские газеты, в частности ревизионистская *Херут* («Свобода») ⁴⁹. Оказалось, что имя Жаботинского хорошо известно итальянскому гостю: «Зеев Жаботинский! Конечно. Он напоминает мне деда. Я вижу много общего между ними в том, что касается вклада в национальное освобождение их стран. Понятно, что я высоко ценю Жаботинского». Он рассказал, что в годы Первой мировой войны сражался в «Легионе Гарибальди», как и еще три его брата, два из которых погибли в боях.

Мой дед, Джузеппе Гарибальди, стал символом борьбы за свободу, независимость и справедливость. Всякий раз, когда нация борется за свою свободу, и мы признаем за ней это право, легионеры Гарибальди спешат на помощь. Это всегда добровольцы, и в нужный час они снова создают боевой отряд.

При посещении мемориала «Яд ва-Шем» Энцио Гарибальди рассказал, что когда в Италии — «под давлением нацистов», подчеркнул он, — начали преследовать евреев, гарибальдийцы призывали евреев под свое знамя, поскольку служба в «Дивизии Гарибальди» была альтернативой концлагерю. Помощь евреям побудила его заинтересоваться Израилем, национальным возрождением евреев:

Помнится, мой друг, член общества «Данте Алигьери», принес мне сочинения З. Жаботинского. Первое, что я там обнаружил, была статья о моем деду Джузеппе Гарибальди. Это произвело на меня большое впечатление⁵⁰.

⁴⁸ Ивритская пресса Палестины регулярно публиковала в 1914 г. сообщения о формировании «Легиона Гарибальди», а в 1940 г. — об участии такого же легиона в борьбе Финляндии против СССР.

⁴⁹ פגישת עם... אנציו גריבלדי: אני מלא הערצה לז'בוטינסקי // החרות, 30.11.1962 עמ' 4.

⁵⁰ Там же. Видимо, речь идет о фельетоне «Мракобес», не раз выходившем по-итальянски. Что касается Данте, то в 1919–1923 гг. Жаботинский переводил на иврит и публиковал отдельные главы «Божественной комедии». См. об этом: Dikman 2011, 677–703.

BIBLIOGRAPHY/REFERENCES

Brio, V. (2008). *Poezia i poetica goroda: Wilno — ווילנע — Vilnius [Poetry and Poetics of the City: Wilno — ווילנע — Vilnius]*. Moscow: Novoe Literaturnoe obozrenie. (in Russian).

Брио, В. (2008). *Поэзия и поэтика города: Wilno — ווילנע — Vilnius*. М.: Новое литературное обозрение.

Dyckman, A. (2011). Dante na ivrite — zametki k teme [Dante in Hebrew — an Approach to the Theme]. In *Laurea Lorae. In memory of L. G. Stepanova*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 677–703. (in Russian).

Дикман, А. (2011). Данте на иврите — заметки к теме. *Laurea Lorae. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой*. СПб.: Нестор-История, 677–703.

Giovagnoli, R. (1913). *Ispartacus [Spartacus]*, trans by Zeev Zhabotinsky. Odessa: Turgeman. (in Hebrew).

רפאל ג'ובניולי. אֶסְפֶּרְתָּקוּס. תרגום מקוצר מאיטלקית ע"ל זאב ז'בוטינסקי. הוצ' תורגמן באודסה. תרע"ג.

Khodasevich, V. (1998). *Iz evreiskikh poetov [From Hebrew Poetry]*. Moscow—Jerusalem: Gesharim. (in Russian).

Ходасевич, В. (1998). *Из еврейских поэтов*. М.; Иерусалим: Гешарим.

Kopelman, Z. (2006). David Tidkhar — voploshchenie sionistskogo mifa? [Was David Tidhar a Personification of Zionist Myth?]. In *Russkoe evreistvo v Zarubezh'e [Russian Jewry in Diaspora]*, vol. 14. Jerusalem, 129–146. (in Russian).

Копельман, З. (2006). Давид Тидхар — воплощение сионистского мифа? *Русское еврейство в Зарубежье*. Т. 14. Иерусалим, 129–146.

Kopelman, Z. (2013). Zhabotinskii i ivrit [Zhabotinsky and Hebrew]. L. Katzis, E. Tolstoi (eds.). *Zhabotinskii i Rossia [Zhabotinsky and Russia]*. Stanford Slavic Studies, vol. 44, 207–236. (in Russian).

Копельман, З. (2013). Жаботинский и иврит. В кн. Л. Кацис, Е. Толстая (ред.). *Жаботинский и Россия*. Stanford Slavic Studies, vol. 44, 207–236.

Ospovat, A. L., Timenchik, R. D. (1987). *Pechalnu povest' sokhranit' [To Remember the Sad Story (on the Author and Readers of "The Bronze Horseman")]*. Moscow: Kniga. (in Russian).

Осповат, А. Л., Тименчик, Р. Д. (1987). *Печальну повесть сохранить... (об авторе и читателях «Медного всадника»)*. М.: Книга.

Schneur, Z. (1913). *Shirim u-poemot, 1900–1913 [Lyrics and Poems, 1900–1913]*. Odessa: Moria. (in Hebrew).

ז. שניאור. שירים ופואמות, 1900–1913. אודסה: "מוריה", תרע"ד (1913).

Vernik, I., Rubin, A., Ramba, E. (eds.; no date). *Manhig ha-dor: Kovets le-zikhro shel Zeev Zhabotinsky [The Leader of the Generation. A Book in the Memory of Zeev Zhabotinsky]*. The Department of Culture of Beitar Publishing House.

וורניק, י., רובין, א., רמבה, א. (עורכים). מנהיג הדור. קובץ מוקדש לזכרו של זאב ז'בוטינסקי. הוצ' המחלקה לתרבות של שלטון בית"ר. בלי ציון שנה.

Zhabotinsky, E. (1980). *Avi, Zeev Zhabotinsky* [*My Father, Zeev Zhabotinsky*]. Jerusalem—Tel Aviv—Haifa: Steimatzky. (in Hebrew).

ז'בוטינסקי, ערי (1980). אבי, זאב ז'בוטינסקי. ירושלים – תל אביב – חיפה, הוצ' סטימצקי.

Zhabotinsky, V. (1913). *Fel'etony* [*Actual Essays*]. St. Petersburg: Gerold. (in Russian).

Жаботинский, В. (1913). *Фельетоны*. СПб.: Герольд.

Zhabotinsky, V. (1978). *Izbrannoe* [*Selected Works*]. Jerusalem: Biblioteka-Aliya. (in Russian).

Жаботинский, В. (1978). *Избранное*. Иерусалим: Библиотека-Алия.

Zhabotinsky, V. (1989). *Povest' Moikh Dnei* [*The Story of My Life*]. Jerusalem: Biblioteka-Aliya. (in Russian).

Жаботинский, В. (1989). *Повесть моих дней*. Иерусалим: Библиотека-Алия.

Zhabotinsky, V. (1990). *Pyatero* [*The Five*]. Jerusalem: Biblioteka-Aliya. (in Russian).

Жаботинский, В. (1990). *Пятеро*. Иерусалим: Библиотека-Алия.

Zhabotinsky, Z. (1992). *Igrot* [*Letters*]. Vol. 1 (May 1898–July 1914). Jerusalem: Beit Zhabotinsky. (in Hebrew).

ז'בוטינסקי (1992). אגרות, כרך א (מאי 1898 – יולי 1914). ירושלים: בית ז'בוטינסקי, תשנ"ב.

Zhabotinsky, V. (2012). *Desiat' knig* [*Ten Books. Literary Essays Written in 1904*]. *Ierusalimskii Zhurnal* 42. (in Russian). <http://magazines.russ.ru/ier/2012/42/z22.html>

Жаботинский, В. (2012). Десять книг. Из литературной публицистики 1904 года. *Иерусалимский журнал* 42. <http://magazines.russ.ru/ier/2012/42/z22.html>